

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 8

Москва
2008

Содержание

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

<i>Л.В. Максимов</i> Когнитивный статус этики	3
<i>В.И. Бахитановский, Ю.В. Согмонов</i> Моральный феномен: от элементарного нравственного порядка к сложной нормативно-ценностной системе	21

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>О.В. Артемьева</i> Практическая добродетель в этике Ричарда Прайса	42
<i>М.Л. Ключова</i> Антропологическое учение Л.Н.Толстого: теоретические основания и практический смысл	65
<i>Т.А. Кузьмина</i> Экзистенциальная этика Н.А.Бердяева	87

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

<i>О.П. Зубец</i> Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали	128
<i>А.В. Смирнов</i> «Благо» и «зло» в исламской традиции и философии (к постановке вопроса). Избранные тексты	154
<i>Р.Г. Апресян</i> О появлении понятия «золотое правило»	194
<i>З. Шаварский</i> Право на благодарность	213
<i>А.В. Прокофьев</i> Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии)	229

ОБЗОРЫ

<i>М.А. Корзо</i> Обзор книги М.В.Корогодиной «Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследования и тексты»	254
---	-----

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

О.В. Артемьева

Практическая добродетель в этике Ричарда Прайса¹

Цель, которую Ричард Прайс поставил перед собой при написании своего главного этического сочинения «Обозрения основных вопросов морали, в особенности тех, которые отражают происхождение наших идей добродетели, ее природу, отношение к Божеству, обязанность, содержание и санкции»² (1758), состояла в утверждении абсолютного характера морали. Прайс определил свой замысел как возведение «обязанности добродетели к истине и природе вещей и к Божеству»³. Абсолютность морали в концепции «Обозрения...» предполагала, что мораль не производна от неморальной реальности, является автономной, что она объективна – т.е. не зависит от воли Бога или человека, универсальна в том смысле, что ее требования имеют силу не только для человека, но и для самого Бога. Определяющим в «Обозрении...» является образ морали как закона, управляющего и поведением человека, и мирозданием в целом. Моральность человека, с точки зрения Прайса, проявляется в неукоснительном исполнении требований морального закона, осознаваемых им в качестве собственных обязанностей. Требования морального закона оказываются открыты-

¹ Статья написана в рамках исследования по гранту РГНФ № 06-03-90303а/Б.

² *Price R. A Review of the Principal Questions in Morals, Particularly Those reflecting the Origin of Our Ideas of Virtue, Its Nature, Relation to the Deity, Obligation, Subject-Matter, and Sanctions / Ed. by D.D.Raphael. Oxford, 1948.*

³ *Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 11.*

ми для познания и исполнимыми, поскольку человек наделен высшей познавательной и моральной способностью — интеллектуально-интуитивной способностью, или пониманием.

Таково в концепции Прайса философское понятие морали, выражающее сущность этого феномена. Однако построение философского понятия морали для Прайса не было конечной целью. Вопрос о способах и формах воплощения морали в реальной жизни человека и общества был для него не менее существенным, чем обоснование абсолютной и автономной морали. Центральным понятием, вокруг которого Прайс выстраивает свое рассуждение на эту тему, становится понятие добродетели. В «Обзрении» слово «добродетель» употребляется довольно часто, но главным образом в самом общем смысле — как синоним морали вообще, моральный закон или как позитивное качество. И лишь когда Прайс обращается к анализу реальной моральной практики во всей ее неопределенности и противоречивости, он исследует понятия добродетели в его специфическом значении. Этому посвящены три главы «Обзрения», в которых анализируются конкретные добродетели, природа добродетели, степени проявления добродетели и порока и способы их оценки, трудности в осуществлении добродетели, а также выделяются специфические черты добродетельного и порочного характеров и т.д.

Хотя в целом этика Прайса — это этика закона, этика долга, он развивает пространное обсуждение добродетели, в особенности практической добродетели. Эта его концепция заслуживает специального историко-этического внимания. В данной статье предлагается анализ понятия практической добродетели в этике Прайса, а наряду с этим предпринимается попытка ответить на вопрос, когда и почему в этическом рассуждении возникает потребность обращения к понятию добродетели, даже если это рассуждение развивается на иных, по сравнению с *этикой добродетели*, основаниях.

Виды добродетели

Свое исследование добродетели Прайс начинает с различения двух ее видов, необходимого, с его точки зрения, для понимания особенностей осуществления морали в реальности.

Понятия, выражающие основные проявления добродетели, выстраиваются в «Обозрении» в следующий ряд: идеальная⁴ и практическая (abstract and practical) добродетель, абсолютная и относительная (absolute and relative) добродетель, добродетель действия и добродетель морального субъекта действия, или агента, формально и материально доброе. Прайс определяет данные понятия следующим образом: «Идеальная добродетель в строгом смысле есть качество внешнего действия или события. Она означает, что есть действие, рассмотренное вне зависимости от *мнения* (*sense*) агента; или что само по себе и в абсолютном смысле было бы правильно и должно совершить для такого агента, в таких обстоятельствах; и что он считал бы должным совершить, если бы его суждение было бы истинным. Практическая *добродетель*, напротив, имеет необходимое отношение к мнению агента о своих действиях и зависит от него. Она означает, что он должен делать *при предположении*, что он обладает такими-то и такими-то мнениями (*sentiments*)»⁵.

Прайс специально оговаривается, что относительная, или практическая добродетель значима и реальна в той же степени, что и абсолютная, или идеальная. Для него очевидно, что «каждому человеку должно быть предоставлено право следовать сво-

⁴ Если следовать буквальному переводу терминов, то добродетель, парную практической (practical) добродетели, следует переводить как добродетель абстрактную (abstract). Однако современное значение слова «абстрактный» как отвлеченный не передает адекватно того смысла, который Прайс вкладывал в понятие «abstract virtue». Как это будет показано в статье, в ограниченном смысле «abstract virtue», действительно, отвлеченная — отвлеченная от мотива конкретного морального субъекта. Однако она не только не отвлекается от конкретности морального субъекта во всей полноте его взаимосвязи с другими, столь же конкретными людьми, и от конкретности обстоятельств, в которых совершается поступок, но и всецело определяется этими конкретностями. Чуть забегаю вперед, скажу, что понятие «abstract virtue» в этике Прайса выражает абсолютно правильный в данных обстоятельствах в данное время, для данного морального субъекта конкретный поступок, это уместный и своевременный, или идеальный, поступок. Так что понятие Прайса «abstract virtue» вполне корректно и обоснованно переводить выражением «идеальная добродетель», тем более что оно стоит в синонимичном для него ряду с понятием абсолютной (absolute) добродетели.

⁵ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 177.

ей совести, поскольку только в этом случае он действует добродетельно»⁶. Добродетельное действие в практическом значении добродетели есть действие в соответствии с велениями разума, или совести.

Идеальная добродетель в том же смысле является практической, в какой и собственно практическая добродетель, она в той же мере, что и практическая, относится к поведению, к осуществлению требований морального закона конкретными людьми в конкретных ситуациях. Понятие идеальной добродетели выражает тот конкретный способ действия, который является единственно правильным для конкретного морального агента в конкретных обстоятельствах — с учетом способностей и возможностей данного морального агента, его отношений с другими людьми, деталей ситуации, а также как непосредственных, так и отдаленных последствий действия. Моральный агент должен стремиться выявить и осуществить этот способ действия. Однако чтобы выявить его, необходимо обладать разумом Бога, так что для реального морального субъекта это невозможно, как и невозможно сполна понять истину о чем-либо.

В интерпретации Прайса идеальный способ действия существует как будто бы сам по себе, помимо морального субъекта и его мнения, и определяется «без обращения к его личному суждению»⁷. Как уже отмечалось выше, Прайс говорит об идеальной добродетели как добродетели действия в противоположность практической добродетели как добродетели агента. Для первой намерение настолько не имеет значения, что действие, безупречное по критерию идеальной добродетели, может быть совершено из какого угодно мотива, в том числе и злого, и это не изменит его положительной в данном значении ценности. Для второй же намерение (или суждение) является определяющим настолько, что даже если действие с точки зрения идеальной добродетели является неправильным, а агент имел самые добрые намерения и приложил все усилия для того, чтобы принять правильное решение, его поведение следует считать до-

⁶ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals... P. 180 fn.

⁷ Ibid.

стойным и похвальным. Прайс подчеркивает, что в случае практической добродетели суждение морального агента — это «единственное, что следует принимать во внимание»⁸.

Прайс неоднократно замечал, что различие идеальной и практической добродетелью признавалось и до него, однако ни на каких конкретных предшественников при этом он не ссылался. Думается, что правы исследователи философии Прайса, которые утверждают, что Прайс был первым, кто обратил внимание на данное различие⁹ и предвосхитил тем самым открытия аналитической этики XX в. В основе различия идеальной и практической добродетели Прайса лежит различие между двумя пониманиями действия — с точки зрения результата и с точки зрения намерения. Гегель понятийно выразил его как различие между *деянием* — «внешним происшествием» и *поступком* — умыслом, знанием обстоятельств, входящих в намерение¹⁰. Такое же по значению различие — между действием и поступком проводилось в аналитической этике У.Д. Россом. С точки зрения Росса, корректно говорить о правильном действии, но не о правильном поступке; корректно — о морально добром поступке, но не о морально добром действии, поскольку первое относится исключительно к результату действия, а второе — к мотиву. Росс на ином языке фактически воспроизводит мысль Прайса о том, что правильное действие вполне может оказаться порочным поступком, а неправильное — добрым¹¹.

Различие идеальной и практической добродетели в версии Прайса невозможно вообразить в рамках классической этики добродетели. Например, для Аристотеля моральный поступок был непосредственным продолжением и проявлением моральной, или добродетельной, личности. Он по определению, в качестве поступка добродетельной личности, был правильным поступком и не только по мотивам, но и по результатам,

⁸ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals... P. 180 fn.

⁹ См.: Rafael D.D. Editor's Introduction // Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. Oxford, 1948. P. ix; Laboucheix H. Richard Price as Moral Philosopher and Political Theorist. Oxford, 1982. P. 67.

¹⁰ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 163.

¹¹ См.: Ross W.D. The Right and the Good. Oxford, 1965. P. 7.

т.е. — в своей конкретной воплощенности, объективированности. Эту мысль воспроизводит и современная этика добродетели¹². Прайс же, хоть и не считал результат действия абсолютно оторванным от намерения субъекта действия¹³, однако различие добродетели морального субъекта и добродетели действия, было для него принципиально важным по нескольким причинам. Одна из них состояла в том, что, с точки зрения Прайса, результат поступка — «внешнее действие» — не находится в абсолютной власти человека, и то, каким он окажется, зависит от множества обстоятельств, о которых человек в силу объективных причин может даже не догадываться и поэтому не может за него отвечать. Гегель для иллюстрации той же мысли ссылаясь на поговорку «камень, брошенный рукой, принадлежит дьяволу»¹⁴. Другая причина необходимости проведения различия между добродетелью действия и добродетелью агента была для Прайса более существенной.

¹² Если в античной этике добродетели понятия моральной личности и правильности действия не были автономными друг по отношению к другу, то современная этика добродетели знает об опыте разделения этих понятий, и один из актуальных в ее рамках вопросов — это вопрос о соотношении добродетельности характера и правильности действия. В ее рамках эти понятия соотношены таким образом, что добродетельный характер выступает в качестве критерия правильности действия. Например, Дж. Оукли и Д. Кокинг, выделяя существенные черты этики добродетели, по которым ее можно отличить от других этических теорий, говорят о том, что согласно этой теории действие делает моральным именно то, что его совершила бы в данных обстоятельствах добродетельная личность. Для совершения правильного поступка необходимы соответствующие мотивы, но одних лишь мотивов недостаточно для того, чтобы действие можно было оценить как правильное. Добродетельная личность — это такая личность, которая действует из добрых мотивов, добивается соответствующих своим мотивам результатов и полностью принимает на себя ответственность за конкретные результаты своего поступка (См.: *Oakley J., Cocking D. Virtue Ethics and Professional Roles. Cambridge, 2004. P. 12–13*).

¹³ Размышляя об основаниях оценки морального субъекта, Прайс признавал, что результат поступка и намерение морального агента связаны между собой таким образом, что «внешние действия следует считать знаками мотивов и взглядов агентов. В целом, мы можем вывести последние из первых с достаточной достоверностью» (*Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 200–201*).

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 164.

Вводя понятия идеальной и практической добродетели, Прайс стремился сохранить и утвердить в своей этике два чрезвычайно значимых для него положения — об абсолютной общезначимой и надличностной морали, природа которой такова, что она не зависит от произвола моральных агентов и их суждений и о том, что подлинно моральным поступком является лишь тот, который человек совершает, будучи искренне убежденным в его правильности, даже если при этом он совершает ошибку. Мораль предполагает единство двух данных аспектов. Понимание различия между ними, в представлении Прайса, позволяет избежать разрушительных для смысла морали интерпретаций. С одной стороны, Прайс считал, что только идея абсолютной морали защищает от неограниченного релятивизма и произвола в моральной практике, от представления о том, что все люди — и разумные, и невежи — при совершении поступков в равной степени правы, если действуют в искренности своих убеждений, что нет никакой разницы между просвещенной и заблуждающейся совестью. Прайс полагает, что моральный язык как таковой сопротивляется этому представлению: «... сами выражения “совершение правильного”, и “восприятие правильного” предполагают объективную мораль (*rectitude*), или нечто отдельное от разума и его восприятий, или независимое от них, что должно быть прояснено и осознано»¹⁵. Идеальная добродетель — это совершенное воплощение в конкретном действии требования абсолютного морального закона, или выражение соответствия результата конкретного поступка природе вещей. С этой позиции действия не могут быть более или менее правильными, между правильным и неправильным в данном контексте не существует никаких промежуточных звеньев — действие либо правильно, либо неправильно¹⁶.

С другой стороны, именно то счастливое обстоятельство, что «наше право на обладание характером добродетельного существа зависит не от точности наших мнений и не от неизменной моральности (*rectitude*) всего, что мы делаем, а от соответ-

¹⁵ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 179.

¹⁶ Ibid. P. 208.

ствия наших действий искреннему убеждению нашего духа»¹⁷, оберегает людей от неверия в собственный разум и от постоянного непреодолимого сомнения, которое привело бы к неспособности принимать решения и совершать в соответствии с ними поступки. Безграничный моральный скептицизм, с точки зрения Прайса, также служит оправданием для тех, кто не желает выполнять требований морального закона, ссылаясь на невозможность их адекватного понимания и исполнения. Проблема состоит в том, как совместить положения о морали как объективном, не зависящем от суждения человека, законе и о том, что «наше правило — верно и твердо следовать совести»¹⁸?

Текст «Обозрения» дает полное основание считать, что акцент Прайс делает именно на объективности морали. Анализ понятия практической добродетели показывает, что и здесь усилия Прайса направлены на демонстрацию того, что практическую добродетель нельзя считать исключительно субъективной в том смысле, что она не тождественна произволу, порыву, следованию необдуманному, спонтанному, хоть и как будто искреннему, убеждению. Само понятие практической добродетели предполагает объективные характеристики.

На это обращает внимание один из исследователей философии Прайса — Д.О.Томас, который выявляет три взаимно предполагающих друг друга значения понятия практической добродетели¹⁹. Во-первых, практическая добродетель проявляется в выборе действия, которое человек, обладающий определенными мнениями относительно самого себя, ситуации, в которой он находится, и пр., должен определить как необходимое для совершения. В данном случае неважно, насколько правильны или ошибочны его мнения, важно то, что для человека, обладающего этими, пусть ограниченными и даже ошибочными, мнениями, существует определенный способ поступить должным образом, который именно этими мнениями определяется, и если человек поступает так, его поступок следует оценить как правильный, добродетельный.

¹⁷ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. 179.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ См.: Thomas D.O. The Honest Mind: The Thought and Work of Richard Price. Oxford, 1977. P. 88–90.

Во-вторых, помимо объективного содержания, задаваемого представлениями морального агента, практическая добродетель предполагает наличие казало бы абсолютно субъективного момента — искренней убежденности агента в том, что выбранный им способ действия является наилучшим в данных обстоятельствах. Данный признак практической добродетели Томас обозначает как принцип убежденной совести. По Прайсу, он звучит так: «мы должны совершать то, что в искренней убежденности считаем самым подходящим для совершения»²⁰. Различение первого и второго аспектов практической добродетели необходимо, чтобы подчеркнуть ее объективность: практическая добродетель немислима без искренней убежденности человека в правильности выбора поступка, но не сводится к ней. Более того, сама субъективная убежденность морального агента в правильности выбора в концепции Прайса не является случайной. Томас обращает внимание на то, что для Прайса искренность убеждений, предполагает, в частности, что моральный субъект следует убеждениям, даже если это противоречит его частному интересу и сопряжено с существенными для него неудобствами. Другой признак проявляется в том, что человек предпринял все возможные усилия для понимания того, какой способ действия в данной ситуации является действительно наилучшим. Иными словами, искренняя убежденность опосредована рефлексией, она не является спонтанной и безосновательной.

Наконец, в-третьих, Томас обращает внимание на тот аспект практической добродетели, который для Прайса является одним из самых важных. Практическая добродетель морального субъекта обнаруживается в том, что в каких бы ситуациях человек ни находился, во всех своих помыслах, намерениях и действиях он нацелен на исполнение морального закона как на высшую цель, благо само по себе, он исходит из понимания того, что «добродетели ...следует желать, ее следует любить и осуществлять ради нее самой»²¹. Устремленность морального субъекта к тому, что выше его, также задает объективное измерение его практически-добродетельному существованию.

²⁰ См.: *Thomas D. O. The Honest Mind: The Thought and Work of Richard Price.* Oxford, 1977. P. 89.

²¹ *Ibid.* P. 199.

В логике рассуждений Прайса именно объективность морали и ее форм отчасти конституирует морального субъекта. Человек может стать моральным субъектом — тем, кто автономно и ответственно принимает решение о действии и совершает его, — исключительно в силу того, что существует абсолютный моральный закон и человек изначально причастен ему, моральный закон не является чуждой для человека силой, он имманентен человеческому существованию и непосредственно доступен каждому, кто обладает разумом. Для того, чтобы быть моральным, достаточно просто во всем следовать своему собственному разуму.

Вместе с тем Прайс понимал, что, даже обладая всеми признаками добродетельной личности, человек не может осуществить мораль во всей ее полноте. Причина этого состоит не только в том, что человек, помимо разума, обладает чувствами и страстями, а страсти нередко затмевают разум, и не только в том, что разум человека несовершенен и не способен познать истину во всей ее полноте, что ему очень трудно преодолеть влияние предрассудков, обычаев, воспитания, но еще и *в специфике функционирования морали в реальности*. С одной стороны, следуя Платону, Прайс утверждал, что добродетель универсальна, едина и гармонична во всех проявлениях и единственна²². С другой стороны, ему было ясно, что она такова на уровне идеи и лишь отчасти и иногда — на уровне моральной практики. В ходе анализа моральной практики оказывается очевидным не только то, что добродетелей множество и они разные, но и то, что осуществление одной добродетели нередко «отменяет» осуществление другой. Прайс выделяет шесть добродетелей (подчеркивая, что список нельзя считать завершенным): благочестие (долг перед Богом), подлинное себялюбие, благожелательность, благодарность, правдивость, справедливость — и показывает, что в реальности они часто «ведут нас противоположными путями»²³. Более того, Прайс считал, что главная — «неодолимая» — трудность в морали состоит именно в столкновении различных «принципов добродетели» в конкретных ситуациях, когда осуществление одной добродетели требует отказа от другой. В понимании этого Прайс был гораздо более проницательным, чем его современники, которые полагали, что лишь страсти и неправильно понятый частный интерес мешают человеку принимать

²² См.: Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 164–166.

²³ Ibid. 166.

правильное решение о способе действия в конкретной ситуации²⁴. Представление о моральном конфликте как неустранимом конфликте между различными видами ценностей в конкретных обстоятельствах в этике сформировалось позднее²⁵. Прайс же указал и путь разрешения такого рода конфликтов — через суждение морального агента. Реальная моральная практика во всей ее неопределенности и противоречивости оформляется и упорядочивается не посредством ее соотнесения с общими принципами и правилами, составляющими общую идею добродетели, а в результате свободных, ответственных решений и поступков конкретных моральных субъектов с их опытом и восприимчивостью к нюансам конкретных ситуаций, моральным тактом, рассудительностью, устремленностью к благу²⁶. Именно эти характеристики и воплощает в себе понятие практической добродетели.

²⁴ Например, Дж. Батлер, епископ Дарема, морально-философские взгляды которого Прайс чрезвычайно высоко ценил и которого во многом считал своим идейным предшественником, утверждал, что человеку достаточно следовать во всем своей высшей естественной способности — совести (*conscience*), не давая страстям одержать над ней верх, и тогда его поступки будут безошибочно правильными. И любой самый просто человек способен разобраться в том, какой именно поступок в данных обстоятельствах является абсолютно правильным (См.: *Bishop Butler. Fifteen Sermons. Sermon II, III: Upon the Natural Supremacy of Conscience // D.D. Raphael, ed. British Moralists, 1650—1800 in 2 v. V. I. Indianapolis, Indiana/Cambridge, 1991. P. 357*).

²⁵ Именно недооценку значения морального конфликта как конфликта между разными видами ценностей, не связанного с несовершенством человека, а выражающего ключевую особенность его морального существования, в упрек Аристотелю ставит А. Макинтайр (См.: *MacIntyre A. After Virtue. A Study in Moral Theory. Notre Dame, Indiana, 2^d ed., 1984. P. 163*).

²⁶ Фактически такое же понимание морального конфликта и способа его разрешения предлагает и Гегель. Он обращает внимание на то, что существует много видов добра и соответствующих этим видам обязанностей, каждая из которых абсолютна в качестве обязанности добра. Отличие видов добра и соответствующих обязанностей приводит их к коллизии. Однако добро едино, так что все эти виды добра и обязанности должны быть согласованы друг с другом. Согласование становится задачей морального субъекта, предметом его решения: «Субъект *должен* быть диалектикой, которая *заклучала бы* соединение одних видов добра и обязанностей с исключением других и соответственно этому со снятием этого абсолютного значения их» (*Гегель Г. В. Ф. Философия духа // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 336—337*).

Особенности практической добродетели

Прайс выделил три ключевые особенности практической добродетели. Это свобода, разум и намерение.

Свободу Прайс понимал в самом широком смысле слова — как произвольность. Так что свобода присуща всем живым существам и не является исключительной привилегией моральных субъектов. Саму одушевленность Прайс определял через способность к свободе как произвольности. Свобода как произвольность является, согласно Прайсу, неоспоримым атрибутом человеческого существования. Он подчеркивал, что «у нас есть такое же постоянное и необходимое сознание свободы, как и того, что мы думаем, выбираем, желаем или даже существуем; и какие бы возражения против этого люди не высказывали, невозможно, чтобы они всерьез считали, что не обладают активными способностями самодвижения и не являются причинами *своих собственных* произволений ...»²⁷. Ключевая особенность свободы в представлении Прайса состоит в отсутствии внешней детерминации. В «Рассмотрении природы гражданской свободы, принципов правления, справедливости и военной политики в отношении с Америкой» (1776) Прайс выделил четыре вида свободы: физическую, моральную, религиозную и гражданскую. Все четыре вида объединяет одна общая идея — идея саморегуляции, самоуправления. Любое ограничение самоуправления агента со стороны внешней по отношению к его воле силы является рабством. Прайс утверждает что «...никакой более точной идеи свободы и рабства, чем эта, сформулировать нельзя»²⁸. Свобода как произвольность и есть физическая свобода. В «Рассмотрении» она определяется как «такой принцип спонтанности, или самодетерминации, который конституирует нас в качестве агентов, или который управляет нашими действиями, делая их в собственном смысле нашими, а не результатами какой-либо внешней причины»²⁹.

²⁷ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 182.

²⁸ Price R. Observations on the Nature of Civil Liberty, the Principles of Government, and the Justice and Policy of the War with America (http://www.constitution.org/price/price_3.htm) (просмотрено 08.03.2007).

²⁹ Ibid.

Из самого определения практической добродетели следует, что ее существенной характеристикой является разум, без которого невозможно восприятие добра и зла, а следовательно, и моральная деятельность. И здесь оказывается, что если свобода может осуществляться без разума, то разум предполагает свободу и вне свободы его помыслить невозможно. Прайс подчеркивал, что о существе, которое мыслит, принимает решения, рассуждает, без свободы, или внутреннего активного, спонтанного, принципа саморегуляции никакую идею составить нельзя³⁰. Эту же по существу мысль позже выскажет Кант, правда, точнее и лаконичнее: «Если я говорю “я мыслю”, “я действую” и т.д., то либо слово “я” употребляется неправильно, либо я свободен»³¹.

Далее же из рассуждений Прайса следует, что если разумное осуществление человека предполагает свободу, то оказывается, и осуществление человеком своей свободы невозможно без разума. Иными словами, человек не может быть свободным, не будучи разумным. В «Обзрении» Прайс много писал о свободе, но ни разу не употребил выражения «моральная свобода». В написанном же спустя 18 лет «Рассмотрении природы гражданской свободы...» он употребляет это понятие и определяет моральную свободу как «способность во всех обстоятельствах следовать нашему сознанию правильного и неправильного, или действовать в соответствии с нашими разумными и моральными принципами, а не под воздействием каких-либо противоположных принципов»³². Здесь важно отметить, что утверждение об отсутствии влияния на волю агента внешних причин в случае моральной свободы для Прайса чрезвычайно существенно. Однако еще более существенно его указание на позитивный аспект свободы, а именно — на самодетерминацию морального агента как способность принимать осознанные и ответственные решения по поводу поступка, исходя из пред-

³⁰ См.: *Price R. A Review of the Principal Questions in Morals*. P. 184.

³¹ Девизы, наставления и объяснения великого моралиста (выписки из Канта) // *Соловьев Э.Ю.* Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 384.

³² *Price R. Observations on the Nature of Civil Liberty, the Principles of Government, and the Justice and Policy of the War with America*.

ставления о правильном и неправильном и основываясь на «разумных и моральных» принципах. Думается, что под моральной свободой Прайс фактически понимает автономию, и в этом он несомненно близок И. Канту. О.О'Нил по поводу кантовского понимания автономии пишет следующее: «Самодетерминация, или автономия, в кантовском понимании — это действительно детерминация, т.е. обусловленность, определение поступка, но только со стороны не внешних, естественных причин, а принципов, воплощением которых данный поступок является»³³. Эту интерпретацию в равной степени можно отнести к прайсовскому пониманию моральной свободы. Прайс, как впоследствии и Кант, был убежден в том, что свобода, или моральность, поступка не означает отсутствия всякой детерминации. Более того, Прайс считал свободный поступок совместимым с особым типом необходимости.

Для понимания моральной свободы в концепции Прайса существенным является различие, которое, как ему казалось, не было осознано моральными философами, но обладает «величайшей значимостью». Это различие между естественной, или внешней, и моральной необходимостью. Прайс противопоставлял свободу именно природной необходимости, т.к. она исключает саму идею проявления воли и действия. Влияние природной необходимости на поведение человека, с его точки зрения, осуществляется через инстинкты, желания, аффекты и прочие мотивы. Если человеком в его поведении движут инстинкты, желания и т.п., значит, причина его поступков внешняя, он действует по законам материального мира, следовательно, действует не сам. В таком случае следует даже говорить, что он не действует, а испытывает внешнее воздействие. Такое представление об источниках человеческого действия Прайс считал абсурдным, поскольку оно отрицает возможность для человека быть субъектом своих поступков, и утверждает в этом качестве разного рода инстинкты и склонности: «Что может быть нелепее утверждения, что наши склонности действуют на нас, или принуждают нас, что наши желания и страхи *приво-*

³³ О'Нил О. Автономия: зависимость и независимость // Мораль и рациональность. М., 1995. С. 134.

дят нас в движения, или производят наши воления; то есть являются агентами?»³⁴. В сфере морали человек утрачивает свободу и становится рабом именно тогда, когда попадает под власть собственных страстей (passions)³⁵.

Для Прайса чрезвычайно важно было показать, что действие, совершенное человеком под влиянием инстинктов, эмоций, разного рода внутренних чувств не является свободным и всецело определяется природной необходимостью. Данную идею он развивал в полемике с Ф.Хатчесоном, который настаивал на том, что специфика морального поведения состоит, в частности, в том, что его побудительными причинами являются именно эмоции. Подлинной побудительной причиной добродетельных действий Хатчесон считал «...некую *предопределенность нашей природы заботиться о благе других; или некий инстинкт, предшествующий всяким соображениям интереса, который влияет на нас, чтобы мы любили других*»³⁶. Связывая моральные побуждения с эмоциями и инстинктами, Хатчесон стремился подчеркнуть их подлинность, бескорыстность.

Прайс не отрицал роли инстинктивных побуждений в поведении человека, его отношение к «страстной» части души нельзя представлять как однозначно негативное. За пределами полемики с Хатчесоном Прайс признавал ее значимость, утверждая, что отсутствие в природе человека инстинктов и страстей обернулось бы величайшими бедами, что именно они придают жизнь и вдохновение нашим моральным устремлениям, являются «парусом и ветром для корабля жизни». Совсем по-аристотелевски звучит утверждение Прайса: «то, к чему мы должны стремиться, — не искоренение наших страстей (что, будь это возможно, было бы пагубным и дурным), [мы должны стремиться] сохранить разум бодрствующим и не позволить вырвать у него руль...»³⁷. Кроме того, Прайс различал эмоции

³⁴ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. P. 183 fn.

³⁵ Price R. Observations on the Nature of Civil Liberty, the Principles of Government, and the Justice and Policy of the War with America.

³⁶ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах. Трактат II. О моральном добре и зле // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973. С. 158.

³⁷ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals... P. 228.

(affections) и страсти (passions). Эмоции укоренены в самой разумной природе человека и являются существенными для нее. К эмоциям Прайс относил себялюбие, благожелательность и любовь к истине. А эмоции, подкрепленные инстинктивными детерминациями, Прайс называл страстями. Даже страсти имеют некоторое отношение к практике добродетели. Не имеют же к ней никакого отношения лишь безотчетные инстинктивные влечения (appetites), ощущаемые как голод, жажда и т.п.

Моральная релевантность «страстной» части природы человека проявлялась в контексте рассуждения Прайса и в том, что саму добродетель он определял через отношение к страстям: «Благочестие и добродетель состоят в правильной регуляции страстей. Никакого лучшего определения им дать нельзя»³⁸. Правильная регуляция страстей, разумеется, осуществляется посредством разума: «Разум противостоит всем видам неразумности и беспорядка. Его сущность состоит в том, чтобы ...направлять страсти на надлежащие им предметы, ограничивать их надлежащими им функциями, препятствовать тому, чтобы они разрушили наш собственный покой, или покой в мире, коротко говоря, исправлять все недостатки во внутреннем мире человека и все, что не совместимо с его надежным и здоровым состоянием»³⁹. В отличие от Хатчесона, Прайс понимал разум не столько как служебный инструмент в сфере познания или поведения, сколько как начало, конституирующее человеческую природу и гармонизирующее ее, только благодаря разуму человек оказывается способным реализовать себя в качестве человеческого существа. Таким образом, как бы высоко мы ни оценивали значимость чувств и инстинктов в морали, мы должны исходить из того, что «интеллектуальная природа — закон для самой себя, в самой себе она содержит источник и принцип действия, который не может подавить или отвергнуть»⁴⁰. Поэтому только те поступки, источником которых является разум, можно считать свободными и вписанными в сферу морали. Поступки же, совершенные под влиянием иных мотивов, Прайс отнес к сфере природной необходимости.

³⁸ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals... P. 229.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. P. 187.

Если моральное действие, по Прайсу, не совместимо с природной необходимостью, то оно не просто совместимо с моральной необходимостью, но и выражает ее. Следует отметить, что в тексте Прайса содержатся разные, обусловленные разными контекстами, понимания моральной необходимости, они далеко не всегда артикулированы и, можно подозревать, — осознаны им. Однако по крайней мере два значения употребления Прайсом понятия моральной необходимости, вырисовываются достаточно определенно. Он говорит о моральной необходимости как характеристике универсальной истины, принципа, закона, природы и власти Божества и о моральной необходимости как характеристике практикующего добродетель агента, будь то человек или само Божество. Прайс говорил об этом различии в применении к самому Божеству: «... когда бы я ни обращался к *необходимости* для объяснения *моральности (rectitude)* Божества, или когда бы я ни говорил о *доброте* как *существенной* для него, я имел в виду *принцип морали (rectitude)*, а не *реальное осуществление* принципа. Не существует более нелепого предположения, чем то, что божественное существо *действует* в соответствии с тем же типом необходимости, в соответствии с которым *существует*, или что *проявления* его власти в том же смысле необходимы, что и *сама* его *власть и принципы*, в соответствии с которыми эти проявления осуществляются»⁴¹. Моральный закон в концепции Прайса тождественен закону, по которому существует универсум. Этот закон Прайс характеризует как некую сверхприродную безусловную необходимость, обуславливающую возможность существования всего универсума. Понятие необходимости морального закона, правящего мирозданием, думается, представляет один из многочисленных следов стоического влияния в философии Прайса, и аналогично понятию закона универсальной природы стоиков. В отличие от представления Канта о параллельности ноуменального и феноменального миров, с точки зрения Прайса, сам «феноменальный» мир не может существовать вне «ноуменального», он обрушится в хаос. Озабоченный утверждением объективности морали,

⁴¹ Price R. A Review of the Principal Questions in Morals... P. 244.

Прайс стремился укоренить мораль в природе вещей и по логике его мысли сама мораль оказывается сверх-, но все же природным законом универсума.

Моральная необходимость второго рода, по Прайсу, возникает из «воздействия мотивов и аффектов на разум» и представляет собой ту уверенность в выборе пути, которая определяется наличием у агента определенных взглядов, принципов и пониманием обстоятельств, в которых он находится⁴². Моральная необходимость выражается в цельности и последовательности поведения человека на протяжении всей его жизни, она проявляется в том, что моральный агент, будучи убежденным в надлежащем характере действия, непременно совершит его, какие бы препятствия ни стояли на его пути и какие бы соблазны его ни искушали. По выражению Прайса, моральная необходимость в данном значении проявляется в том, что влияние совести на человека «действительно и непобедимо». Прайс подчеркивает, что «самая величайшая необходимость такого рода совместима с идеей самой совершенной и достойной похвалы добродетели, более того — включена в нее, а следовательно, никоим образом не может ее приуменьшить»⁴³. Моральная необходимость в той же мере совместима со свободой и предполагает ее. Более того, Прайс настаивает на том, что «любая идея свободы будет крайне ошибочной, если она не совместима с абсолютной и полной определенностью, или необходимостью того рода, которому я сейчас уделил внимание, или если она разрушает устойчивость характера и поведения»⁴⁴. Совместимость моральной необходимости и свободы проявляется в том, что моральный агент в своем поведении во всех обстоятельствах последовательно руководствуется разумом; а также в том, что совершение правильных поступков зависит лишь от него самого, как и их несовершенство. Свободное действие по определению является таковым, что всегда существует «физическая возможность» не совершить его. Причем это касается и действия самого Божества. И Божество может поступать вопреки

⁴² См.: *Price R. A Review of the Principal Questions in Morals...* P. 210.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Ibid.* P. 211.

моральному закону, например, сотворив ничтожный мир или разрушив мир после обещания не разрушать его⁴⁵. Другое дело, что этому препятствует *моральная* невозможность поступить таким образом. Перед ней способно остановиться не только Божество, но и человек. Признание и принятие невозможности поступать противоположным моральному закону образом — дело свободного выбора морального субъекта. Добродетельный субъект, будь то Божество или человек, свободно и осознанно избрав себя в качестве морального существа, задает своим поступкам жесткую детерминацию, или подчиняет их моральной необходимости.

Свобода и разум, по Прайсу, конституируют способность к добродетели, или являются условиями добродетельности человека. Однако свою реальность добродетель обретает в намерении морального агента. Когда добродетель становится осознанной целью любых помыслов и поступков человека в каких бы обстоятельствах он ни оказывался, его можно считать добродетельным. Прайс настаивает на том, что «агента можно справедливо назвать добродетельным, если только он действует из сознания морали (*rectitude*), и отношения к ней как к своему *правилу* и *цели*»⁴⁶.

По существу получается, что Прайс саму практическую добродетель отождествил с намерением. Однако неправильно было бы интерпретировать его таким образом, что практическая добродетель выражает лишь внутреннюю настроенность человека на добро, его намерение во всем и всегда следовать ему. Прайс считал, что практическая добродетель воплощена и в поступках. Правда при этом и под поступком он понимает не внешний результат, а детерминацию разумного существа, его произволение. Прайс подчеркивал: «Лишь наши собственные детерминации в самом строгом смысле являются нашими действиями»⁴⁷. Но намерение, или детерминация, в концепции Прайса представляет собой не просто благое пожелание человека соответствовать моральному закону, а реальную определенность всего душевного строя человека в отношении мораль-

⁴⁵ См.: Ibid. P. 247.

⁴⁶ Ibid. P. 184.

⁴⁷ Ibid. P. 185.

ного добра. Утверждение Прайса о том, что в намерении добродетель обретает свою реальность, предполагает также, что самоопределение человека в отношении добра задает «детерминации» всех его конкретных поступков.

Следует заметить, что Прайс употребляет термин «намерение» и в значении самоопределения и в значении разумной детерминации конкретного действия, предметом которой является как фактическое содержание действия, так и его значимая для субъекта цель, т.е. не «что», а «ради чего» действия. У Гегеля данные значения разделены в понятиях намерения и умысла. Умысел касается «внешнего бытия», или внешних результатов поступка, которые субъект предполагал произвести или которые предвидел. По Гегелю, свободная воля в объективированном поступке лишь то признает своим и за то признает себя ответственной, «что из этого она знала и чего хотела». Намерение же касается «субстанциальной стороны и цели» данного поступка — того, к чему именно значимому для себя стремился человек, производя изменения во «внешнем бытии»⁴⁸. Оно становится добром, когда «значимое для самого себя» обретает характер всеобщности.

Положение Прайса о том, что практическая добродетель обретает реальность в намерении морального агента, имеет для него чрезвычайно важные следствия. Первое состоит в том, что когда добродетель не преднамеренна, в агенте нет добродетели⁴⁹. Человек, который при совершении поступков не ориентирован на добродетель как таковую, не является добродетельным, точно так же, как не является честолюбивым тот, кто не руководствуется в своем поведении любовью к чести и власти, или как не является эгоистичным тот, кто не ориентируется на реализацию собственного интереса как на свою главную цель и т.д. Как непреднамеренная добродетель не есть добродетель, так и непреднамеренный порок не есть порок. Порочность действия совпадает с порочностью морального агента лишь в том случае, если он предвидел злые последствия своего поступка, и это знание не

⁴⁸ См.: Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. С. 159–166; *Он же. Философия духа*. С. 336.

⁴⁹ Price R. *A Review on the Principal Questions in Morals...* P. 188–189.

стало препятствием для совершения поступка, если порочное действие входило в намерение субъекта, а значит, в строгом смысле слова было его действием. По Прайсу, люди в целом стремятся к совершению добрых, а не порочных действий. Во всяком случае они крайне редко сознательно стремятся ко злу. Как правило, с пути добродетели их сталкивают страсти, интерес и т.п., которые одерживают в человеке победу над разумом.

Другое следствие положения Прайса о том, что именно намерение конституирует практическую добродетель, связано с определением сферы моральной ответственности. Поскольку Прайс отождествил действие с намерением, то и предметом ответственности человека, с его точки зрения, могли быть исключительно намерения: «лишь над ними мы имеем абсолютную власть, и лишь за них мы ответственны»⁵⁰. За последствия поступка человек несет ответственность лишь в той мере, в какой он предвидел их, в какой они входили в его намерение. Если поступок привел к последствиям, которые возникли вопреки намерению морального агента, оказались случайными или даже производными от его детерминации «в силу естественных причин», то он за них не ответственен. В случае же преступной беззаботности морального агента при выборе поступка и невнимательного отношения к возможным последствиям, которые он мог бы и должен был бы предвидеть, предметом моральной ответственности будет именно беззаботность и невнимательность, но никак не последствия поступка. Вместе с тем Прайс считал, что в ситуации добровольного незнания агента следует считать вменяемым. Прайс проводил различие между действием, совершенным в силу объективного незнания о вредных последствиях, и действием, совершенным в результате добровольного незнания, аналогичное различению Аристотелем действия по неведению и действия в неведении. Интересно, что для разъяснения Прайс приводил тот же пример, что и Аристотель. Прайс замечал, что пьяный человек, совершающий свои поступки в бессознательном состоянии, возможно, и не может отвечать за них, но он безусловно несет ответственность за свое состояние, которое он выбрал по собственной воле, зная с большой долей вероятности, какие действия со-

⁵⁰ Price R. A Review on the Principal Questions in Morals... P. 185.

вершит в таком состоянии. Так что для Прайса не существует разницы между выбором состояния, которое заставляет слепо и бессознательно совершать зло, и преднамеренным совершением зла⁵¹. По логике Прайса сам по себе этот выбор порочен, ведь, совершая его, человек отказывается от себя как от разумного и морального существа, он лишен главного признака добродетельного характера — любви к добродетели.

Как же можно судить о том, преобладает ли в душе человека любовь к добродетели? Прайс отвечает на этот вопрос следующим образом. Во-первых, если человек любит добродетель, она постоянно занимает его мысли и определяет выбор поступков. Для Прайса преобладание любви к добродетели в душе человека, по существу, означает, что, принимая решение в отношении поступка, он руководствуется не сугубо партикулярным интересом — стремлением к удобству, обретению влияния, богатства и т.п., а исходит из универсальных оснований. В первую очередь, добродетельный человек задумывается над тем, как он хотел бы, чтобы в таких же обстоятельствах поступил другой человек, какое благо последовало бы из его поступка, как бы он оценил это благо впоследствии, как данный поступок повлиял бы на отношение к нему Божества, в какой мере поступок соответствует его интересу в целом, а также достоинству существа, наделенного его способностями, состоящему в таких же, как и он, отношениях с другими людьми, и имеющему такие же ожидания⁵². Во-вторых, любовь к добродетели не может не проявляться в реальной моральной практике — в поведении человека и в его отношении к другим людям. Она становится очевидной, когда человек не допускает потворства страстям, инстинктам или вредным привычкам, стремится к наиболее полному, насколько это возможно, воплощению всех добродетелей, не пренебрегает никакой из них, и является неизменно последовательным в этом своем стремлении. В-третьих, любовь к добродетели определяется и той мерой, в какой человек получает наслаждение, осуществляя ее: «Добродетель является объектом высшего удовлетворения каждого добродетельного человека; осуществление ее приносит ему

⁵¹ См.: Price R. A Review on the Principal Questions in Morals... P. 198.

⁵² Ibid. P. 219–220.

высшее наслаждение, а сознание ее приносит ему наивысшую радость»⁵³, она составляет главную часть счастья человека. Наконец, в-четвертых, добродетель — это качество такого рода, которое не может не расти. Добродетельному человеку свойственно быть неудовлетворенным своим моральным состоянием и непрерывно стремиться к совершенству, достичь которого во всей полноте человек однако не способен.

Добродетельный человек, по Прайсу, подобен платоновскому образу государства. Это государство процветает, ибо одержало победу над всеми врагами и надежно защищено от любого вторжения, оно является местом свободы, справедливости и мира, каждый член этого государства поддерживает себя в надлежащем состоянии и честно выполняет надлежащий ему долг, в нем никогда не проявляются распри, а преобладает гармония и любовь, и все добровольно и с радостью подчинены одному мудрому законодателю⁵⁴.

* * *

В этике Прайса мораль предстает в двух формах — объективного, абсолютного, надличностного закона и моральной личности, обладающей всеми необходимыми качествами для того, чтобы в любых обстоятельствах неуклонно следовать добру. Прайс фактически признает, что ни одной из этих форм морали не достаточно, чтобы выразить ее существенные особенности. Понимание морали как абсолютного закона не содержит объяснения того, как этот моральный закон может быть воплощен в реальности. Именно на этот вопрос Прайс пытался ответить, обращаясь к понятию практической добродетели. Практическая добродетель как проекция морали на личность представляет собой совокупность качеств человека, необходимых и достаточных для того, чтобы он мог выступать в качестве морального субъекта — того, кто свободно и осознанно принимает решения относительно поступков в самых разнообразных обстоятельствах и берет на себя ответственность за их совершение.

⁵³ Price R. A Review on the Principal Questions in Morals... P. 222.

⁵⁴ См.: Ibid. P. 230.